

Хотя Чжуан Ян и вырос в достатке, он разбирался и в уходе за курами, и в полевых работах.

Он точно знал, сколько в хозяйстве кур и уток, сколько земли и каковы сбережения. Внешне казался рассеянным, но на самом деле немало сил отдавал заботам о доме.

В то утро, как обычно, А-Пин отправился к дяде учиться, Чжуан Лань побежала играть к Цюаньцзы, а Чжуан Ян прогуливался по двору. Увидев, что на их репном поле у реки А-И собирает урожай, он направился к берегу.

На том берегу Цюаньцзы смастерил из травы мишень и повесил её на дерево. Он натягивал тетиву и пускал стрелы, упражняясь в стрельбе. Рядом вертелась Чжуан Лань, забавляясь с рогаткой.

На репном поле оставалось уже немного, урожай собирали, чтобы вспахать землю под новый посев.

— Господин, не стоит, не стоит, тут немного, я сам управлюсь.

Заметив, что Чжуан Ян вытащил две репы и сложил в корзину, А-И поспешил его остановить.

На Чжуан Яне был шёлковый халат — не одежда для полевых работ.

— А-И, после вспашки посеём капусту. Семена ещё есть?

— Есть.

А-И умел выращивать многое, он был внуком старика И, и семья его издревле арендовала землю.

Чжуан Ян вышел с поля и направился к тому берегу. С того момента, как он подошёл к реке, Цюаньцзы не прекращал упражняться. Движения его были уверенными, отточенными, но у кого он учился стрельбе — было неизвестно. Переведя взгляд с Цюаньцзы, Чжуан Ян отыскал Чжуан Лань. Та стояла поодаль и стреляла из рогатки в листья. Сестрёнка его была большая охотница до забав, да ещё и предпочитала мальчишечьи.

Заметив брата, Чжуан Лань поспешно сунула рогатку за спину. Чжуан Ян улыбнулся:

— Я видел. Цюаньцзы сделал?

— Ага, братец, брат Цюаньцзы такой мастеровой! — с гордостью ответила Чжуан Лань.

И вправду мастеровой.

Чжуан Ян постоял рядом, наблюдая, как Цюаньцзы пускал стрелу за стрелой, и каждая била в самую сердцевину мишени. Взять стрелу, натянуть тетиву, выпустить — всё единым движением. Такая сноровка и умение говорили о долгих тренировках и несомненном даре.

В детстве Чжуан Ян с рогаткой не баловался, но стрельбе из лука учился. Однако особого рвения не проявлял, так что искусством это не назовёшь.

Когда Цюаньцзы выпустил последнюю стрелу из колчана, он подошёл к мишени, вытащил все и стал собирать. Он не оборачивался, но знал, что Чжуан Ян подошёл и наблюдает.

— У кого учился стрельбе? — спросил Чжуан Ян, остановившись рядом. Ростом он был выше,

Цюаньцзы доставал ему лишь до плеча.

— Меня старый солдат учил.

Цюаньцзы ответил с гордостью. Его дядя Ван, пока не стал калекой, был в армии знаменитым лучником.

— Дай посмотреть. Сам делал?

— Угу.

Чжуан Ян хотел взглянуть на лук и стрелы Цюаньцзы, и тот подал их. Чжуан Ян провёл пальцами по древку — работа была грубоватой. Стрелы же и вовсе еле держались, перья вот-вот отвалятся. И с таким-то снаряжением Цюаньцзы умудрялся попадать в цель — удивительно.

Такое мастерство заслуживало лучшего лука.

Чжуан Ян вернул лук и стрелы и спросил:

— Здоров уже полностью?

Цюаньцзы кивнул:

— Угу.

Казалось, он хотел что-то добавить, но промолчал. Чжуан Ян мягко посмотрел на него, заметив, что ссадина на щеке уже затянулась коростой. Хорошо бы шрама не осталось. Цюаньцзы, с его густыми бровями и большими глазами, был видным пареньком, и шрам на таком лице был бы досадным изъяном. Цюаньцзы, почувствовав его взгляд, отвернулся, не давая разглядеть. Больше не обращая внимания на Чжуан Яна, он вновь встал перед мишенью и продолжил упражняться.

— А-Лань, пойдём, пора есть.

Чжуан Ян подозвал сестру, и они пошли через деревянный мост. Всю дорогу Чжуан Лань не выпускала рогатку из рук, забавляясь ею. Чжуан Ян, заметив, что на её одежде и в волосах застряли травинки, присел и смахнул их. Уходя, он не видел, как Цюаньцзы провожал его взглядом, не отрываясь.

Цюаньцзы убрал лук и стрелы и взглянул вслед Чжуан Яну и его сестре. Он не понимал, почему Чжуан Лань не сидит с братом, а всё носится где-то. Ведь брат у неё такой заботливый.

В доме Цюаньцзы ели два раза в день. Сегодня утром он съел миску каши да лепёшку — для него это был настоящий пир.

Теперь у них было несколько мер бобов и риса, должно было хватить надолго. Каждый день рыболовная верша приносила две-три рыбины да немного креветок. В горах можно было накопать съедобных кореньев, насобирать грибов. А если подстрелить птицу или зверька — вот и мясо на столе.

Потренировавшись во дворе и вернув себе прежнюю сноровку, Цюаньцзы отправился вдоль реки в лес — поискать, не попадётся ли какая дичь.

К западу от деревни Чжу стояло много пустых домов, и немало полей лежало заброшенными. Однако крупного зверья здесь не водилось, даже кабаны встречались редко. Много лет назад всех больших животных перебили голодные жители деревни. Да и жили здесь тогда не те, кто сейчас.

Лет тринадцать назад в Срединных землях власть сменилась, и по всему краю прокатились волнения. Даже далёкая деревня Чжу на юго-западе не избежала беды, и люди побежали в глухие леса.

Спустя несколько лет смута утихла, но в Чжу осталось меньше трети прежних жителей.

Именно тогда семья Чжуан и перебралась из Цзиньгуаньчэна в Чжу.

О прошлом деревни Чжу Цюаньцзы ничего не знал. Присев в лесу, он прислушивался к голосам птиц и зверей и дивился — почему здесь даже оленя нет.

Цюаньцзы углубился в чащу, неся за спиной лук со стрелами, а в руке сжимая нож. Он крался в зарослях, высматривая добычу.

У безымянного озера он заметил стаю серых журавлей, штук пять-шесть. Натянув тетиву, он тихо подобрался и прицелился в самого упитанного, что прятался в камышах. Цюаньцзы выпустил стрелу. Та полетела по ветру, вращаясь, но с глухим шлепком рухнула в воду. Спасшийся журавль громко захлопал крыльями и с криком улетел, подняв за собой всю стаю. Цюаньцзы, раздосадованный, побрёл в камыши за стрелой. Ветер над озером был сильным, но не настолько, чтобы стрела на полпути вдруг свалилась.

Цюаньцзы взял стрелу и осмотрел — перья отвалились, потому и не долетела. Он не знал поговорки «Хочешь дело справить — инструмент наточи», но понимал: будь у него хорошая стрела, нёс бы сейчас домой журавля.

Лук и стрелы, сработанные своими руками, для настоящей охоты явно не годились. Потренироваться на мишени — одно, а добычу взять — другое.

Сегодня он вернулся ни с чем, но зато узнал, что на этом озере останавливаются журавли, — можно будет сюда вернуться.

Путь назад занял больше часа, и к полудню Цюаньцзы брёл домой с пустыми руками, чувствуя досаду.

Если бы он за это время грибов насобирал, две корзины наверняка набрал бы. Но Цюаньцзы не унывал — две корзины грибов с добычей не сравнятся. Он рос, ему нужна была мясная пища, а питаясь одной зеленью, человек хиреет. И матери своей он не хотел голодать.

Цюаньцзы мечтал вырасти высоким и сильным, как его отец, которого он никогда не видел. Хотел защитить мать от обид, жить в достатке и воле.

К западу от реки И холмов было много, и на переход через один уходил не один час. Говорили, народ цюн живёт в ещё более глухих лесах, и Цюаньцзы думал, что это, наверное, у самой высокой горы на краю света.

Забираться слишком далеко он не решался — встреча в лесу с незнакомцем сулила опасность, даже смерть. Да и в незнакомой местности заплутать немудрено.

Бредя вдоль реки, Цюаньцзы шёл рассеянно, пока не услышал в прибрежных зарослях крики погонышей. Кричали не одна-две птицы, а целый хор — впечатляюще.

Взволнованный, Цюаньцзы снял лук и принялся высматривать их серые юркие силуэты. Но погоныши были осторожны, прятались в укромных местах, и подобраться к ним было трудно.

К вечеру Цюаньцзы нашёл подходящее дерево, вырезал на коре ножом птицу — чтобы место запомнить. Решил, что вернётся сюда, когда обзаведётся сетью да хорошим луком.

Грамоты не знал, вот и придумывал свои способы пометок.

День прошёл не зря — он разведал леса в десяти ли от дома и выяснил, что здесь можно поохотиться на журавлей и погонышей.

Из-за того, что крупного зверья не было, водоплавающая дичь в лесах Чжу раздобрела — только успевай брать.

Изжарить их или в котёл — и в животе не заскучают.

Сглотив слюну, Цюаньцзы спустился с холма и увидел впереди мазанку, над которой вился дымок, — его дом.

<http://bllate.org/book/15945/1425515>